На правах рукописи

Серебрякова Ирина Геннадьевна

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ КРЕСТЬЯНСТВА УРАЛА В ПЕРИОД СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ (1929—1933 гг.)

07.00.02 — отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Екатеринбург — 2006

Работа выполнена в государственном образовательном учреждении
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

Научный руководитель:	доктор исторических наук, профессор **Попов Михаил Валерьевич**
Официальные оппоненты:	доктор исторических наук, профессор **Мотревич Владимир Павлович**
	кандидат исторических наук, доцент **Быкова Светлана Ивановна**
Ведущая организация:	ГОУ ВПО «Оренбургский государственный педагогический университет»

Защита состоится 29 сентября 2006 г. в 16.00 на заседании диссертационного совета Д 212.386.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук при Уральском государственном университете им. А. М. Горького (620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, ком. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Автореферат разослан 27 августа 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук,
профессор Кузьмин В. А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Модернизационные процессы в аграрном секторе экономики в период сплошной коллективизации оказали сложное глубинное воздействие на крестьянскую психологию, вызвали противоречивые и порой необратимые изменения в миропонимании и сознании крестьян, повлияли на судьбу крестьянства, на дальнейшее развитие всего общества в нашей стране.

Тем не менее, до конца 1980-х гг. социально-психологический аспект сплошной коллективизации, как и других исторических событий и явлений, почти не исследовался. Среди причин такого положения следует назвать: жесткий идеологический контроль, заставлявший ученых отказываться от анализа социально-психологической составляющей исторического процесса; традицию, сложившуюся в советский период, не «психологизировать» социальные закономерности[1]; отсутствие доступа к источникам, раскрывающим взаимоотношения, настроения, мотивы поведения людей. Лишь в последние десятилетия появилась возможность изучения таких масштабных процессов, как коллективизация, — не самих по себе с концентрацией «своего преимущественного внимания на социально-экономических и политических аспектах истории», а с учетом участия в них человека, его «исторически видоизменяющейся психики»[2].

Поставив человека в центр исторического процесса, основатели синтетического антропологического подхода — историки школы «Анналов» Л. Февр, М. Блок и их последователи Р. Мандру, Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф и другие продемонстрировали новые возможности для постижения истории.

В нашей стране ученые Б. Ф. Поршнев, А. Я. Гуревич, В. В. Никандров, И. Г. Белявский, Л. И. Анцыферова, В. Ю. Боброва и другие считают, что социально-экономическое и политическое объяснение хода истории перестало удовлетворять специалистов, так как подобного рода объяснительные модели механистичны и не отвечают коренной специфике науки истории.

Увидеть изменения в социальной психологии такой большой социальной общности, как крестьянство всей страны, — крайне сложная задача, поскольку эмоциональное восприятие рядовым человеком конкретных ситуаций, его реакции на события и факты во многом определяются не только воздействием политических и экономических факторов, но и особенностями менталитета, складывавшегося под влиянием природно-географических, социально-экономических, культурно-исторических и других условий того или иного региона. В связи с этим возрастает значимость региональных исследований, позволяющих рассматривать исторические события и явления во взаимосвязи с реальными процессами развития региона. Уральская область в 1929—

---

[1] *Поршнев, Б. Ф.* Социальная психология и история / Б. Ф. Поршнев. М., 1966. С. 4.

[2] *Гуревич, А. Я.* История и психология / А. Я. Гуревич // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 4. С. 3.

1933 гг. занимала ведущее место в осуществлении планов индустриализации, оказавшей существенное влияние на процессы коллективизации, на социально-психологическое состояние крестьян, и потому обращение к рассматриваемой теме представляется особенно важным.

О значении проблемы можно говорить и с точки зрения извлечения уроков из прошлого, тем более что социально ориентированная аграрная политика объявлена одной из важнейших задач государства. Исторический опыт показывает, что осуществление даже назревших, жизненно важных реформ при отсутствии соответствующих социально-психологических предпосылок, равнодушии или негативном отношении к преобразованиям со стороны больших групп населения может оказаться под угрозой. Невнимание к настроениям, социальному тонусу, общественному мнению ведет к снижению доверия к решениям и действиям властных структур, к падению социально-экономической активности крестьян, нарастанию аполитичных настроений, гражданской пассивности.

Хронологические рамки исследования ограничены 1929—1933 гг. Нижняя временная граница совпадает с началом сплошной коллективизации в стране. Выбор верхней границы определяется сроками, когда на Урале объединение в колхозы крестьянских хозяйств стабилизировалось на уровне не ниже 68—70%.

Территориальные рамки диссертационной работы охватывают Уральскую область, включавшую в период коллективизации территории современных Свердловской, Челябинской, Курганской, Тюменской, Пермской областей и частично Башкирской и Удмуртской республик.

Объектом исследования является крестьянство Урала в период сплошной коллективизации (1929—1933 гг.).

Предметом исследования определены социально-психологические явления и процессы в крестьянской среде, вызванные проведением аграрной социалистической реформы.

Цель работы: изучение социально-психологического состояния крестьянства Урала в период сплошной коллективизации.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи исследования:**

- раскрыть особенности социально-психологического состояния крестьянства Урала накануне сплошной коллективизации, влияние аграрной политики и специфики региона на формирование социально-психологического облика уральского крестьянина;
- исследовать настроения, поведение различных прослоек крестьянства Урала в период с ноября 1929 по 1933 г.;
- определить характер изменений в отношении крестьян к власти, труду и религии в условиях перехода к колхозно-совхозной системе;
- выявить основные факторы, вызывавшие изменения в социально-психологическом состоянии уральских крестьян на разных этапах аграрной социалистической реформы;

– установить наиболее значимые изменения в социальной психологии уральского крестьянства в период сплошной коллективизации.

Методологической основой исследования является теория модернизации. Опора на модернизационную теорию сочетается с цивилизационным подходом к исследуемым явлениям и процессам, который позволяет углубить их познание с использованием человековедческого (антропологического) метода.

В качестве базовых в работе выступают принципы историзма и социально-психологического развития, что позволило рассматривать процесс социально-психологических изменений как непрерывный, обусловливаемый переменами социально-политической и экономической обстановки, влияющей на социальную психологию общества и входящих в него групп.

При определении исходных методологических позиций приходилось считаться с тем, что общепринятой системы понятий, категорий и принципов социальной психологии как сферы социальной психики до настоящего времени не установилось. Большое разнообразие в употреблении и толковании содержания этой дефиниции со стороны зарубежных и отечественных ученых поставило задачу дать обоснованное объяснение того, какой смысл подразумевается под этим термином в исследовании, в чем отличие социальной психологии от менталитета и общественного сознания. Среди определений социальной психологии как сферы общественной (социальной) психики, предложенных учеными В. А. Макаренко, В. И. Васильевым, В. Г. Крысько, М. И. Еникеевым и др., автору более близка позиция В. И. Васильева, обратившего внимание на взаимосвязь поведения и деятельности людей, обусловленную «фактом их принадлежности к большим и малым социальным группам», и психологическими свойствами, отличительными качествами, присущими тем или иным группам[3]. Дефиниция И. В. Васильева принята автором в качестве определения социальной психологии в диссертационной работе.

Исследуя социальную психологию крестьянства Урала, автор выделил наиболее важные составляющие той действительности, к которой у крестьянина всегда формируется определенное отношение, особенно сильно проявляющееся на этапах кардинальных преобразований в стране: власть, труд, религия. Такие социально-психологические явления, как семейные традиции, межличностные, межгрупповые отношения и др., взаимосвязаны с вышеназванными базовыми составляющими жизни крестьянского общества.

В соответствии с характером и задачами исследования использовались конкретно-исторические, общенаучные и междисциплинарные методы: проблемно-хронологический, сравнительно-исторический (компаративный), ретроспективный, хронолого-описательный, дискурсивный, структурно-системный, актуализации, анализа документов, обобщения исследованного материала.

---

[3] *Словарь* исторических и общественно-политических терминов / под ред. А. Г. Бесова. М., 2005. С. 488.

Использование разнообразных методов исследования, их чередование и комбинация позволили реконструировать исторические события сплошной коллективизации на Урале в ее социально-психологическом сопровождении, раскрыть влияние психологических факторов на социально-исторические условия.

Источниковую базу исследования составили как архивные материалы (из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Государственного архива Свердловской области (ГАСО), Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), Государственного архива Челябинской области (ГАЧО), Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО), так и опубликованные.

Среди неопубликованных источников выделены нормативные, организационно-распорядительные документы областных партийных и советских органов; делопроизводственные и информационно-отчетные материалы органов власти разных уровней; статистические документы и материалы личного происхождения.

Документы первой группы дали представление о характере политики власти в период подготовки и проведения сплошной коллективизации, об особенностях осуществления коллективизации в Уральском регионе.

Материалы второй группы расширили представление о методах проведения коллективизации, отразили специфику отношения крестьян разных категорий к преобразованиям в сельском хозяйстве. Недостатком этого вида источников является фрагментарность отражения в них исследуемого объекта.

Статистические документы позволили сделать более обоснованные выводы о тенденциях в изменении социально-психологического состояния уральских крестьян в период проведения коллективизации.

Особую группу составили источники личного происхождения. Поистине уникальным материалом являются письма крестьян, фиксирующие их психологические и вербальные реакции на события и явления социально-экономической и политической жизни. Личные и коллективные жалобы позволили лучше представить процессы раскулачивания, выселения на Урале. В каждой из личных жалоб присутствует эмоциональное отношение к происходящему. Заявления о приеме в колхозы и выходе из них дают возможность оценить, как изменялись настроения, мотивация различных групп крестьян, их отношение к колхозам на всех этапах коллективизации. Воззвания и листовки раскрывают представления крестьян о колхозном строительстве, степень их недовольства действиями власти. Частушки отражают изменения настроений в крестьянской среде, отношение к происходящему. В комплексе нарративные источники помогли представить психологическое состояние различных слоев крестьянства на каждом из этапов аграрной реформы.

Категорию опубликованных материалов составили законодательные акты и нормативные документы; делопроизводственные отчетно-информационные

материалы областных, окружных, районных органов власти, документы и материалы общественных организаций, статистические документы, материалы периодической печати.

Изучение документов Коммунистической партии, законодательных актов, имевших самую высокую степень легитимности, расширило представление о направленности аграрной политики советского государства в доколхозный период и в годы коллективизации.

Документы второй группы позволили уточнить и конкретизировать представление о целях, содержании и методах административно-управленческой деятельности по реорганизации сельскохозяйственного производства на Урале, строительству новой жизни в деревне.

Делопроизводственные, отчетно-информационные материалы областных, окружных, районных органов власти отразили реально сложившееся положение дел в деревне в период коллективизации, обстановку правового произвола, психологического давления и принуждения по отношению к крестьянству Урала.

Постановления, отчеты съездов, решения собраний ячеек Союза воинствующих безбожников дали представление о формах и методах антирелигиозной деятельности, о состоянии религиозности крестьян, их настроениях, реакциях на закрытие церквей и часовен, сбрасывание церковных колоколов, конфискацию церковного имущества, преследование священнослужителей и верующих.

Сопоставление статистических материалов с нормативными и организационно-распорядительными документами партийных и советских органов позволило проследить зависимость изменений в социально-психологическом состоянии крестьян от темпов и методов проводимых в 1929—1933-х гг. кампаний.

Отдельную группу составили материалы центральных и местных газет. Оперативность реагирования на события делает газеты важнейшим источником изучения настроений, поведения различных слоев крестьянства в исследуемый период. Принималось во внимание, что на характер публикуемых материалов свое влияние оказывала официальная позиция властей, поэтому приводимые в газетах факты, выводы и оценки не всегда соответствовали реальной действительности.

Значительную ценность представили опубликованные в газетах письма крестьян, в которых нашли отражение их настроения, отношение к кампаниям и мероприятиям, организуемым властью. При анализе писем учитывалось, что публиковалась их незначительная часть, к тому же подвергшаяся жесткой цензуре.

Дифференцированный подход к отбору источников, учет информационного потенциала каждого их вида, изучение и анализ используемых документов и материалов позволили автору с достаточной полнотой и достоверностью раскрыть исследуемую проблему, решить поставленные в диссертационной работе задачи.

Историография. Начало развитию отечественной историографии по исследуемой проблеме было положено во второй половине 1970-х гг. историками И. С. Кузнецовым, Н. Л. Рогалиной, В. Е. Щетневым, Н. Я. Гущиным, В. А. Ильиных, В. В. Гаташовым и др. В своих работах они рассматривают проблемы формирования психологии советского крестьянства, ее динамику, особенности общественных настроений разных категорий крестьян. Появление исследований, раскрывающих социально-психологические аспекты жизнедеятельности крестьянства, несомненно, являлось позитивным сдвигом в изучении актуальной, но весьма сложной проблематики. Вместе с тем суждения и выводы о социально-психологических особенностях крестьянского сообщества носили в основном декларативный характер, не подкреплялись анализом конкретного материала. Почти не использовались специальный понятийный аппарат, адекватные источнико-методические приемы. Существенным недостатком исследований было то, что они несли на себе печать жестких идеологических установок и ограничений.

Наметившиеся в стране со второй половины 1980-х гг. радикальные общественно-экономические преобразования способствовали усилению интереса ученых к социально-психологической составляющей исторического процесса. Развитие крестьяноведения позволило объединить самые разнообразные области знания в изучении крестьянства и выйти на рассмотрение тех проблем, которым раньше почти не уделялось внимания, в том числе и социально-психологических. С позиций рассматриваемой темы наибольший интерес вызывают работы В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого, И. Е. Зеленина, А. В. Гордона, В. Ф. Башмачникова, А. А. Никонова, в которых на основе документальных материалов воссоздается реальная история коллективизации, анализируется сложное переплетение нового образа жизни и традиционного уклада, не изжившего себя в период аграрных преобразований, Н. Л. Рогалиной, Н. В. Козловой и других ученых, ориентированных на анализ социально-психологического состояния крестьянского сообщества на разных этапах коллективизации.

Анализ отечественной историографии показывает, что социально-психологическому аспекту сплошной коллективизации в большей степени уделяют внимание ученые, изучающие региональную историю. Исследование социальной психологии крестьянства в рамках конкретного региона позволяет учитывать влияние его специфических условий на социализацию людей, их взгляды, настроения, поведение, что подтверждают труды И. С. Кузнецова, Э. В. Гатилова и других историков.

В уральской историографии работ, посвященных проблеме социальной психологии крестьянства в период сплошной коллективизации на Урале, до настоящего времени не было.

Среди профессиональных историков Урала одними из первых во второй половине 1970-х—1980-х гг. к анализу социалистических общественных отношений в уральской деревне, методов формирования общественного созна-

ния колхозного крестьянства обращаются М. А. Иванова, Р. П. Толмачева, В. П. Мотревич, Г. Е. Корнилов и др.

На современном этапе развития исторической науки особый интерес с позиций рассматриваемой темы вызывают труды уральских ученых И. Е. Плотникова, Л. Н. Мазур, М. В. Попова, О. С. Поршневой, А. С. Еремина, С. И. Быковой, М. В. Булавина, Г. Е. Корнилова и др., в которых уделено внимание социально-психологическому состоянию крестьянства Урала в период с 1929 по 1933 г.

В зарубежной историографии специальные исследования по проблеме социальной психологии крестьянства в период сплошной коллективизации отсутствуют. Исключением можно считать попытку исторического анализа общественной психологии крестьянства периода сталинской «революции сверху» на основе таких источников, как сводки ОГПУ, частушки, анекдоты, предпринятую японским автором Х. Куромия.

Определенный вклад в изучение социально-психологического аспекта сплошной коллективизации внесли представители англо-американской исторической традиции Т. Шанин, Ст. Мерль, Ш. Фицпатрик, М. Левин, Л. Виола, Р. Дэвис и др. В своих работах они анализируют семейно-бытовые, межгрупповые взаимодействия, взаимоотношения с властью, влиявшие на самочувствие, поведение крестьян в «чрезвычайное время» конца 1920-х — начала 1930-х гг. Однако определенная предвзятость, стереотипы, преобладающие в западно-исторической науке по отношению к СССР и России, не позволили зарубежным историкам прийти к адекватным выводам о восприятии радикальных преобразований разными группами крестьян, об изменениях в их социальной психологии.

Изучение работ отечественных и зарубежных ученых позволяет сделать вывод, что социально-психологическая составляющая сплошной коллективизации остается до настоящего времени слабо изученной. В то же время, как отмечает А. Я. Гуревич, «наиболее продуктивное и перспективное направление современного исторического знания ориентировано именно на психологию»[4].

Научная новизна исследования заключается в том, что в очерченных проблемой хронологических и территориальных рамках проведено исследование социальной психологии крестьянства Урала. В таких рамках, в постановке, коррелирующей событийную канву истории и ее социально-психологическое сопровождение, данная проблема в исторической науке рассматривается впервые. Новизна работы обусловлена также анализом широкого круга источников по рассматриваемой проблеме, в том числе не вводимых ранее в научный оборот, дающих возможность увидеть механизмы, влияющие на межгрупповые и межличностные взаимодействия внутри уральского крестьянства, взаимоотношения между крестьянским сообщест-

[4] *Гуревич, А. Я.* История и психология / А. Я. Гуревич // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 4. С. 3.

вом и органами власти. Исследование позволяет внести определенные коррективы в представления об особенностях психологического состояния разных категорий крестьянства Урала в период с ноября 1929 по 1933 г.

Практическая значимость работы связана с возможностью использования материалов диссертации в учебном процессе при изучении региональной истории Урала. Впервые вовлеченные в научный оборот источники могут быть использованы при чтении спецкурсов по истории края, написании обобщающих работ по истории сплошной коллективизации на Урале, разработке соответствующих разделов учебных курсов по отечественной истории. Представляя собой региональное исследование, работа должна способствовать формированию системного представления о проводимой государством насильственной коллективизации крестьянских хозяйств. Кроме того, выводы автора диссертации в условиях имеющих место противоречий между сельскохозяйственными производителями и государством, частью колхозно-совхозного крестьянства и фермерами, другими производителями сельхозпродукции могут оказаться полезными при принятии решений, разработке программ по развитию аграрного сектора, национальных проектов по развитию села, реально отражающих положение и возможности больших и малых групп крестьянского сообщества, учитывающих особенности их социальной психологии.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования изложены в шести научных публикациях. Базовые теоретические положения апробированы в виде докладов на XIV Международной научной конференции «Пространство и время в восприятии человека: историко-психологический аспект» (Санкт-Петербург, 2003), на Всероссийской научной конференции «Парадигмы исторического образования в контексте социального развития» (Екатеринбург, 2003), на региональной научной конференции «Россия: история и современность» (Сургут, 2004). Диссертация обсуждена на заседании кафедры отечественной истории Уральского государственного педагогического университета.

Структура работы: диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы, списка сокращений, словаря базовых социально-психологических понятий.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обоснованы актуальность темы, территориальные и хронологические рамки работы, определены объект, предмет, цель и задачи исследования, представлены методологическая основа, научная новизна, практическая значимость работы, апробация результатов исследования, историографический обзор, дана характеристика использованных источников.

Первая глава **«Социально-психологическое состояние крестьянства Урала накануне аграрных социалистических преобразований»** состоит из двух параграфов.

В ***первом параграфе*** рассматриваются социально-психологические процессы в крестьянской среде, связанные с изменениями в аграрной политике власти в доколхозный период.

Невозможность распорядиться полученной после Октябрьской революции 1917 г. землей, нарушение функций собственности ослабляли значение самого факта владения землей, чувство ответственности за землю, за труд на земле, что не стимулировало развития крестьянского хозяйства.

Продразверстка предусматривала почти полное изъятие хлеба у крестьян. Посягательство на частную собственность, нарушение прав собственника приводили к тому, что у сельского труженика пропадал стимул к производству продуктов сверх потребительской нормы и нужд хозяйства. Социальная несправедливость, тяжелое материальное положение, негативно отражаясь на психологическом состоянии, вызывали недовольство, несогласие крестьян с политикой власти. Крестьянские восстания на Урале были постоянным явлением до 1922 г.

В марте 1921 г. правительство было вынуждено взамен продразверстки ввести продналог, явившийся первым актом нэпа. Восстановление прав частного собственника способствовало возрождению утраченного ощущения самостоятельности, ответственности за результаты труда на земле. Разрешение торговли хлебом, поощрение кооперации повысили заинтересованность крестьянина в увеличении доходности своего хозяйства, стимулировали рост сельскохозяйственного производства. В 1925 г. по количеству выращенного и заготовленного хлеба Урал оказался впереди других регионов страны, уступая только Украине и Юго-Западному району СССР.

Снижение государственных закупочных цен на зерно весной 1926 г., хлебозаготовки, налоговая политика во второй половине 1920-х гг., начало реализации решений XV съезда партии об объединении мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы, форсирование наступления на кулака, «применившееся» и к середняку, дестабилизировали психологическое состояние основной массы крестьян. Многие вынуждены были выбирать линию поведения, противоречившую традиционным крестьянским взглядам, стереотипам поведения, отказ от проведения подготовительных работ к весенней посевной; сокращение объемов хозяйствования; укрытие хлеба, отказ от сдачи, продажи его государству. Сократив посевы, крестьянин ставил под угрозу голодного существования семью. Пытаясь защититься от произвола власти, крестьяне подчас нарушали христианские нормы и заповеди. Самораскулачивание приводило к разделу, распаду семей, к подрыву их экономического потенциала. Ориентация власти на низшие слои деревни как на своих сторонников, усиление экономического давления на кулака, его дискриминация в гражданских правах, оттеснение от управления в общине вызывали рост напряженности в отношениях между зажиточной и остальной частью крестьянства.

Серьезным препятствием для реализации политики власти в деревне выступала церковь, борьба с которой к концу 1920-х гг. усиливалась. Однако

действия партийных и советских органов не смогли кардинально изменить мировосприятие и мышление крестьян Урала. В то же время их социально-психологическое самочувствие накануне коллективизации характеризовалось ощущением надвигающейся опасности привычному образу жизни, сложившимся жизненным интересам.

Выявленная на основе проведенного анализа зависимость психологического состояния крестьянства Урала от уровня экономического и идеологического давления со стороны органов власти показывает, что чем меньше было такое давление, тем выше оказывались результаты хозяйственной деятельности крестьян. Усиление давления, дестабилизируя психологическое состояние крестьянина, снижало его производственную активность, качество и результаты труда.

Во ***втором параграфе*** на основе анализа трудов отечественных и зарубежных историков, архивных источников воссоздан социально-психологический портрет уральского крестьянина накануне аграрных социалистических преобразований в деревне, что позволяет видеть изменения в его облике в период проведения сплошной коллективизации.

В числе константных черт российского крестьянства ученые В. О. Ключевский, Н. А. Бердяев, П. А. Сорокин, Н. Н. Покровский, И. В. Кондаков, В. П. Данилов, Т. Шанин и другие выделяют прежде всего склонность к державности и патернализму; соборность; приверженность скорее к духовно-нравственным, чем к материально-экономическим ценностям; отношение к труду не только как к основе достатка, но и как к добродетели; верность религиозным канонам и христианской морали; стремление к уравнительности и особенно к социальной справедливости; политическую нейтральность, близкую к пассивности.

В разных регионах на эволюцию и проявление этих базовых черт влияли особенности территории, хозяйственно-бытового уклада, местных обычаев. Среди основных качеств, сформировавшихся под влиянием специфики Уральского региона, выделяются способность противостоять различным жизненным испытаниям, стойко переносить трудности, свободолюбие, нежелание подчиняться диктату власти, умение трудиться в экстремальных природно-климатических условиях опираясь на собственные силы. В формировании отмеченных качеств уральского крестьянина особую роль сыграли суровые климатические условия, индустриальный характер развития региона, наличие устойчивого ядра населения, многонациональный состав, отсутствие крепостного права, большие неосвоенные пространства, дающие возможность выбора мест поселения и хозяйствования, удаленность от органов власти, особенно центральных.

Сознание, мировосприятие, культуру, традиции крестьянства Урала, составлявшего, по данным переписи 1926 г., 79,3% (5 млн 379 тыс. чел.) от общей численности населения области, определяли крестьянский образ жизни, соблюдение членами крестьянской семьи этических норм и правил.

Почти половина населения уральских деревень накануне коллективизации была в возрасте до 20-ти лет, что позволяло власти интенсивно влиять на формирование взглядов молодого поколения в духе коммунистической идеологии. Значительная часть молодежи была психологически готова к участию в кампаниях, начавшихся в деревне с конца 1929 г.

Уровень грамотности по Уралу был ниже общероссийского, и этот разрыв во второй половине 1920-х гг. продолжал увеличиваться. Одной из важнейших задач партийных и советских органов к началу коллективизации становится повышение грамотности населения, что создавало условия не только для подготовки квалифицированных кадров для промышленности и сельскохозяйственного производства, но и для более интенсивного влияния на сознание, психологию крестьян.

Базовый составной элемент социально-психологического портрета крестьянина — его социально-экономический статус — определялся прежде всего имущественным положением в обществе, владением землей и средствами производства. Носителем имущественных прав и прав землепользования являлся двор. Замена стариков, являвшихся главами дворов, молодыми грамотными, разбирающимися в текущих событиях мужчинами, а иногда и женщинами влияла на изменение социально-психологических установок в повседневной жизни крестьян. В связи с уравнительным наделением крестьянских хозяйств землей площадь надельной пашни в семьях кулаков превышала размеры бедняцкой в 3—4 раза. Нередко кулаки, а иногда и середняки брали у бедняков, не всегда справлявшихся с обработкой своего надела, землю в аренду. Середняцкие хозяйства на Урале располагали 78,7% посевной площади, 81,3% поголовья рабочих лошадей. Ими производилось 79,2% валовой и 79,7% товарной продукции. В этом аспекте можно утверждать, что значительной части уральского крестьянства было присуще чувство экономической независимости, собственного достоинства и уверенности. Вместе с тем имели место и негативные настроения, вызываемые административно-командными методами органов власти.

Ослабление религиозности (прежде всего молодого поколения), повышение грамотности сельского населения, миграционные процессы, новые социально-экономические интересы способствовали тому, что во взглядах определенной части крестьян на собственность, трудовые и межличностные отношения, богатство и бедность начинали происходить изменения. Эти изменения не носили устойчивого характера. В целом социально-психологический облик уральского крестьянина накануне коллективизации характеризовался устойчивостью взглядов и представлений по отношению к земле, труду, собственности, семье и вере, составлявших смысл его существования.

Вторая глава **«Изменения в социальной психологии крестьянства Урала в период проведения сплошной коллективизации (1929—1933 гг.)»** содержит три параграфа.

В ***первом параграфе*** раскрываются особенности отношений разных категорий крестьянства Урала к власти на разных этапах создания колхозно-

совхозной системы, изменения в социально-психологическом состоянии, поведении крестьян.

Начальный этап социалистической аграрной реформы на Урале по существу стал продолжением политики конца 1920-х гг., приводившей к социальной напряженности в деревне. В то же время в крестьянской среде уже были сторонники такой политики, главным образом из числа батраков и бедняков, на которых власть делала ставку как на свою опору в социально-экономической и культурной модернизации деревни.

Несмотря на возросшую активность батраков и бедняков, поддержку ими политики власти на экономическое ослабление кулачества, основная их часть в колхозы вступать не торопилась, прежде всего по причинам психологического характера, в том числе таким, как недоверие к изменениям, которые интенсивно внедрялись в жизнь деревни, боязнь потерять свою самостоятельность, право на свободу выбора характера труда и образа жизни. Многих не устраивала необходимость соблюдения дисциплины, повышения ответственности за качество своего труда перед лицом коллектива.

Психологическую неготовность батраков и бедняков, как и других категорий крестьянства, к переходу на новые формы хозяйствования правящая власть не считала серьезным препятствием для проведения сплошной коллективизации. Привычно используемые большевиками ложь, нагнетание атмосферы страха, взаимного недоверия, как показывал опыт создания колхозов накануне коллективизации, могли успешно использоваться при решении проблем преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы и дальнейшего наступления на кулачество.

Решающими факторами, приведшими к активизации антикулацких проявлений, стали трансляция речи Сталина на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. по радио и публикация 11 января 1930 г. в «Правде» его статьи «Ликвидация кулачества становится в порядок дня». Заметное воздействие на настроения крестьян оказывала политическая и экономическая поддержка властью батрацко-бедняцкой прослойки, что приводило к корректировке частью крестьян своего поведения в направлении уступок, соглашательства с действиями местной власти и бедняцкого актива.

В условиях Уральского региона, где на фоне относительной материальной обеспеченности местного крестьянства социальное положение «бедноты», значительную часть которой составляли выходцы из других областей СССР, воспринималось особенно остро, настроения нетерпения, стимулируемые низовыми комплексами психики, способствовали тому, что в ряде районов уже в декабре 1929 г. началось раскулачивание.

Создание на местах обстановки неуправляемой инициативы и вседозволенности, отсутствия нравственных запретов во многом спровоцировало групповую «экстремизацию» батраков, бедняков и части середняков, сдвиг в направлении принятия радикальных мер по отношению к тем, кого объявляли кулаками.

Нарастание агрессивных настроений, произвол по отношению к кулаку, к тем, кто не был согласен с политикой власти, наряду с идеологической и экономической поддержкой колхозов, сыграло важную роль в таком развитии коллективизации на Урале, когда она начала осуществляться опережающими в сравнении со многими другими регионами страны темпами. На 25 февраля 1930 г. по области было коллективизировано 74% крестьянских хозяйств. Самый высокий ее уровень отмечался в округах, где в большей степени проявились произвол и насилие (Ирбитский, Тагильский, Сарапульский, Ишимский).

Однако основная часть крестьян, вступавших в колхозы, не воспринимала идеи обобществленного труда, не изменила отношения к коллективизации. Положение несвободы, разочарование, вызываемые действиями властных структур, ощущение бесперспективности происходящего, безнадежность, безысходность способствовали созданию такой социально-психологической обстановки в крестьянской среде, когда нежелание быть колхозниками становилось сильнее страха перед арестами ОГПУ. На фоне возрастающих противоречий между крестьянством и властью все отчетливее проявлялось стремление крестьян к возврату к традиционным формам хозяйствования, к прежним внутрисословным отношениям.

К весне 1930 г. сельские жители находились в таком психологическом состоянии, когда мера терпения, смирения, ожидания была исчерпана. В ответ на те или иные требования местных руководителей в крестьянской среде все чаще отмечались проявления социального негативизма в разных формах (самоубийства, поджоги, убийства деревенских активистов). С каждым днем увеличивалось число крестьян, готовых участвовать в открытых выступлениях против власти, что вынуждало сталинское руководство искать способы уменьшения социальной напряженности в крестьянской среде.

Под воздействием манипуляций сознанием крестьян со стороны правящего режима в период с марта по июль 1930 г. в их настроениях и поведении происходили изменения, выражавшиеся в резком усилении психологической напряженности в отношениях с местной властью, нарастании критики в ее адрес, выступлениях в защиту раскулачиваемых и выселяемых, в усилении выходов из колхозов. При этом возрастало доверие к центральной власти. Среди причин нового самообмана крестьян автор выделяет слабость их политической культуры, многовековые особенности менталитета, основанного на вере в «доброго царя». Несмотря на то что центральной власти удалось вернуть доверие крестьян, массовые выходы из колхозов продолжались. Этому способствовало утверждение крестьян во мнении, что в коллективных хозяйствах невозможно добиться хороших результатов труда и его оплаты, и надежды, что после публикации статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов» местные власти больше не станут заставлять их вступать в колхозы.

Чтобы остановить процесс распада колхозов и наращивать темпы коллективизации, власти необходимо было найти константу, на которую можно

было бы смещать все причины политических, экономических и социальных неудач. Такую константу власть видела в лице кулаков, за которыми уже закрепился образ «врага». Но в сознании большинства крестьян кулак в образе врага воспринимался неопределенно, размыто, тем более что четких критериев принадлежности к этой прослойке не было, а жизнь показала, что кулаком и подкулачником власти могли объявить любого. К тому же привыкание к обстановке идеологического и экономического давления вызывало у одних крестьян постепенное освобождение от страха принуждения, у других — готовность терпеть его разнообразные виды, у третьих — решимость противодействовать внешнему давлению или притеснению. Методы принуждения, запугивания весной-летом 1930 г. больше влияли на усиление выходов из колхозов, чем способствовали повышению уровня коллективизации. На 1 сентября 1930 г. в колхозах оставалось 26,3% крестьянских хозяйств. В принятии решений о выходах значительную роль сыграли такие социально-психологические факторы, как несбывшиеся надежды многих крестьян на то, что вступление в колхоз спасет их от обысков, арестов, конфискации имущества, выселения; понимание, что вместо обещанного улучшения условий труда руководство колхозов занималось превращением прежних самостоятельных хозяев в бесправных, послушных работников.

Со своей стороны власти все более осознавали необходимость больше внимания уделять методам убеждения, влияния на сознание, психологию людей с целью трансформировать представления о коллективизации, о труде в колхозах в положительную сторону. Усиление идеологической, агитационно-пропагандистской и организационно-массовой работы, хороший урожай 1930 г. стали факторами, повлиявшими на улучшение отношения части крестьян к колхозам в период с осени 1930 г. по август 1931 г.

Свою роль в принятии решений о вступлении в колхозы сыграли и методы давления, тотальное наступление на индивидуальный сектор. Увеличение планов хлебозаготовок привело к фактическому изъятию урожая 1931 г. и у единоличников, и у колхозников. С октября 1931 г. в ряде округов и районов Урала появились признаки голода. Протестные действия со стороны крестьянского населения (выступления, высказывания, агитация против колхозов, распространение слухов, избиения колхозных руководителей и активистов колхозов, вооруженные нападения на низовых партийных и советских работников) были способами продемонстрировать свое несогласие с действиями власти, сигнализировать ей о своем бедственном положении.

Однако власти продолжали добиваться с помощью карательных и правоохранительных органов беспрекословного подчинения крестьян, что способствовало формированию в крестьянской среде приспособленческой системы поведения. Суды и прокуратура широко используют в 1932 г. в качестве меры социальной защиты расстрел с конфискацией имущества за любое хищение крестьянами колхозного и кооперативного имущества При этом игнорируются жалобы и колхозников, и единоличников на тех, кто их избивал, аре-

стовывал, производил обыски. Безысходность, страх, паника, нараставшие в крестьянской среде, находили проявление в форме самоубийств, распространении слухов, хищений хлеба и продуктов, порчи зерна, бегства в город. Лишь немногие в поисках выхода отчаянию, ненависти к тем, кто довел деревню до голода, пытались свести счеты с представителями низовых органов, начав в 1932 г. в ряде районов их фактический отстрел. Однако потенциал для серьезного сопротивления власти в деревне был исчерпан. Активная, решительно настроенная часть крестьян была уничтожена либо нейтрализована с помощью административных и других мер.

Идеологическое давление, спускаемое «сверху», и традиционное крестьянское мышление постепенно приводили к возникновению двойственности как в восприятии, понимании происходящего, так и в поведении, в поступках, в деятельности. Часть крестьян позиционировала себя как членов нового советского общества и при этом сохраняла приверженность к традиционной крестьянской жизни, другие, поддаваясь воздействию идеологических приемов и аргументов, верили в перспективность колхозной системы, но эта вера могла в любой момент смениться неверием, третьи, хотя и не верили в обещания и лозунги власти, приспосабливались и мимикрировали, добиваясь выгоды в любой ситуации. В последних группах находились крестьяне, воспринимавшие доносительство на односельчан как некую гражданскую обязанность перед властью и правоохранительными органами. Основная часть крестьян пассивно и отстраненно относилась к развитию событий в деревне, что позволяло власти диктовать крестьянину как вести хозяйство и развивать сельскую экономику.

Неизбежный в условиях диктата, отсутствия самостоятельности и инициативы психологический дискомфорт, испытываемый большинством сельских тружеников, оказывал негативное влияние на их поведение, поступки, решения. Искажались нормы традиционной крестьянской этики, происходила деморализация части населения деревни. Показателями такого состояния стали факты отказа крестьян от опеки над детьми-сиротами, усиление пьянства, повышение роста преступности, в том числе детской. Несогласие с действиями власти, нарастание чувства страха перед опасностью преследования с ее стороны вынуждали многих бежать из деревень на новостройки и заводы, потребность которых в рабочей силе постоянно возрастала, или в отдаленные и малонаселенные районы Урала и Сибири.

Во ***втором параграфе*** анализируется отношение разных категорий уральских крестьян к труду в условиях обобществления сельскохозяйственного производства.

На начальном этапе сплошной коллективизации добровольно в колхозы шли немногие, так как полной ясности, как в них хозяйствовать и трудиться, ни у кого не было. Наиболее активно вступало на путь массовой коллективизации батрачество. Однако это не означало, что батраки, как и многие бедняки, были настроены на качественный труд в колхозах. Часть из них не привыкла постоянно интенсивно трудиться в силу особенностей прежнего образа

жизни (временная работа по найму, отсутствие своего хозяйства). Другие уверовали, что в колхозе советская власть должна обеспечить им условия для жизни независимо от трудового вклада. Лишь для некоторых была характерна достижительная мотивация, заинтересованность в таком качестве труда, которое бы обеспечивало получение максимальной прибыли.

Преобладающей формой колхозного движения на Урале являлись сельскохозяйственные артели. В организации работы всех звеньев артельного хозяйства наблюдались слабая управляемость его отдельными отраслями, некомпетентность, произвол со стороны руководителей колхозов, бесхозяйственность, безответственность. Те же отрицательные явления были характерны для ТОЗов и коммун, что во многом определяло рост негативного отношения к коллективному труду. Часть колхозников не хотела мириться с произволом, отсутствием порядка, проявляя недовольство, другие стремились исправить положение, указывая на недостатки организации труда, третьи воспринимали происходящее как норму колхозной жизни, к которой необходимо приспособиться. Чаще всего это проявлялось в отсутствии дисциплины, нежелании добросовестно трудиться. Важным фактором, негативно влиявшим на отношение к колхозной собственности и колхозному производству, было понимание бессмысленности трудовых усилий ради получения прибыли, так как прибыль в любом случае оставалась в колхозе, а крестьянину приходилось довольствоваться тем, что ему выделялось согласно коллективному решению. Логика соотношения затраченного труда и полученного результата оказывалась нарушенной. Названные причины и условия сыграли свою роль в невыполнении колхозами многих округов и районов Уральской области в 1930 г. планов по большинству сельскохозяйственных кампаний.

В то же время единоличным хозяйствам удавалось приспосабливаться даже к крайне невыгодным хозяйственным условиям путем самоэксплуатации работающих членов семьи. Единоличники демонстрировали высокую производительность труда, дисциплинированность и ответственность. Благодаря эффективности единоличного труда, обеспечивавшего прибыльность и налогоспособность, в бюджет Уральской области в 1930—1931 гг. продолжала поступать основная часть денежных средств. Однако не все единоличники смогли выполнить плановое задание по посеву из-за проблем с возвратом обобществленных средств производства, отсутствия семян для посева. Для тех, кто засеял свое поле, были характерны пессимизм, неуверенность в связи с опасениями, что все выращенное власти не только отберут, но и при хорошем урожае могут отнести хозяйство к категории зажиточных.

Анализ архивных источников показал, что многие уральские крестьяне были способны на переоценку взглядов, связанных с неприятием обобществленного труда, при условии его четкого учета и гарантированной оплаты. Однако и трудодневная оценка оказалась малоэффективной прежде всего в силу отсутствия у колхоза возможности полноценно рассчитаться с колхозниками за их труд. Нарушение принципов материального стимулирования

подрывало мотивацию труда, отсутствие возможности распоряжаться имеющимся в колхозе капиталом вело к усилению безответственности, равнодушия к состоянию дел в коллективном хозяйстве. Убеждение в том, что коллективное — значит ничье, особенно заметно проявлялось в отношении к обобществленному рабочему скоту. В психологическом плане добросовестно заботиться о животных из колхозного стада крестьянину мешали установки, основанные на собственнических принципах. Из-за утраты своей лошади или коровы — собственности, к которой крестьянин был по-особому привязан, — он психологически был дестабилизирован, ему не хотелось заботиться о чужих животных, находящихся на колхозном подворье. Плохой уход, недостаток или отсутствие кормов, использование рабочего скота без учета каких-либо норм эксплуатации вызывали снижение продуктивности в животноводстве, болезни, массовую гибель животных.

Неверие в возможность эффективного труда в колхозах, понимание, что как бы ты ни трудился, нет никакой гарантии не остаться без хлеба, не голодать, состояние зависимости от произвола руководителей и другие негативные факторы порождали апатию, нежелание трудиться на коллективном производстве, приводили к искажению традиционных норм и принципов крестьянской жизнедеятельности и к отказу от них. Так, в условиях голода 1933 г. многие крестьяне саботировали уборку урожая, что противоречило логике выживания, установкам крестьянского менталитета на самосохранение. Ранее осуждаемое воровство теперь крестьянами во многом оправдывалось.

Таким образом, колхозное строительство и организация хозяйственной деятельности в деревне на всех этапах сплошной коллективизации на Урале оказывали главным образом дестабилизирующее воздействие на психологическое состояние основной части крестьян, что сказывалось на их отношении к труду, к коллективной собственности, на социально-экономической активности. Под влиянием негативных факторов, прежде всего у колхозников, изменялась трудовая психология, искажались или утрачивались такие черты и качества, присущие доколхозному крестьянству Урала, как самостоятельность, ответственность, ощущение себя хозяином земли, умение трудиться, опираясь на собственные силы, предприимчивость. Лишь части крестьян удалось сохранить не только традиции крестьянского хозяйствования, но и психологическую устойчивость, необходимую для организации результативного труда.

В ***третьем параграфе*** рассматривается отношение крестьян к религии и церкви в период с конца 1929 по 1933 г.

Уральский регион, спецификой которого являлись более заметная роль рабочего класса в формировании общественно-политической обстановки, форсированные темпы индустриализации, гигантомания новостроек и т. д., стал одним из форпостов атеистической пропаганды. Атеистическая пропаганда с трудом воспринималась сельским населением. Поэтому основной формой идеологического воздействия на сознание крестьян оставалась ан-

тирелигиозная и антицерковная агитация, все чаще подменяемая административными и репрессивными мерами против служителей культа, кампаниями по закрытию церквей, что способствовало нагнетанию у верующих крестьян психологического состояния тревожности, подавленности.

Наиболее устойчивыми к усилиям по искоренению религиозного мировоззрения оказались крестьяне среднего и старшего поколения, особенно женщины, которые, как правило, не только сами являлись членами религиозной общины, но и оказывали большое влияние на своих мужей и детей, создавая и сохраняя в своих семьях психологическую обстановку веры. Несмотря на антирелигиозную пропаганду, только у немногих женщин-крестьянок зарождались сомнения в религиозных ценностях.

В то же время среди молодого поколения крестьян, оказавшихся с ранних лет под воздействием новой идеологии, были и искренние атеисты-безбожники, и те, кто готов был их поддерживать в силу своего конформизма. Нетерпимо относились к священнослужителям и к верующим отдельные колхозники, особенно члены коммун, считавшие, что они навсегда порвали с прошлой жизнью, а значит, и с религией. В числе крестьян, поддерживавших атеистические лозунги советской власти, вставших в ряды гонителей церкви, чаще всего оказывались батраки и бедняки. Вышестоящему руководству требования этой части населения деревни предъявлялись как «воля народа».

По мере нарастания процесса закрытия церквей все заметнее становились, с одной стороны, факты перегибов на местах вследствие чрезмерной активности наиболее политизированной части крестьян из числа комсомольцев, радикально настроенных членов Союза воинствующих безбожников, а с другой стороны, нараставшее недовольство этим значительной части крестьянства. Степень недовольства крестьян антирелигиозными действиями власти на Урале в сравнении с другими регионами страны была ниже в силу объективных причин, связанных с его исторической, демографической и другой спецификой. Тем не менее при попытках закрытия храмов, расхищения их имущества нередко имели место различные формы сопротивления вплоть до открытых выступлений. Среди верующих, боровшихся за сохранение религиозных ценностей, часто оказывались кулаки и имущие середняки, которых власти причисляли к «врагам» социализма, к контрреволюционерам, обвиняя их в антисоветской деятельности.

К началу «безбожной» пятилетки в 1932 г., несмотря на то, что многие религиозные объединения на Урале распались из-за арестов, преследований священнослужителей, гонений на верующих, власти не удалось добиться запланированного отхода крестьян от религии. Вера в Бога оставалась важнейшим социально-психологическим фактором духовной жизни крестьянства, ведущей составляющей крестьянского менталитета. В 1933 г. на Урале происходит массовое закрытие часовен, запрещается колокольный звон, изымаются колокола и церковная утварь, имеющая в своем составе драгоценные металлы, сокращается до предела деятельность церкви.

Исключение из жизни крестьянина самого важного для религиозной веры — традиций и вероучения, обычаев и привычек, приобретаемых под влиянием церкви, преследование открытого проявления веры постепенно вынуждали многих менять отношение к религии и церкви. Веками складывавшиеся мировосприятие, мировоззрение сельского труженика постепенно разрушались, подвергались трансформации нормы крестьянской морали, нравственность.

В **заключении** диссертации подведены основные итоги исследования, сформулированы выводы обобщающего характера.

В процессе перехода от мелкого индивидуального хозяйства к крупному коллективному сельскохозяйственному производству на социальную психологию уральского крестьянства влияли многочисленные факторы, которые можно разделить на две группы — внешние и внутренние.

В числе внешних факторов, определяемых политикой государства, ее идеологией, экономикой, а также действиями органов власти разных уровней, наиболее заметное воздействие на мотивацию поведения крестьян оказывали: пропаганда социалистического образа жизни в деревне; реализация местными органами власти политики ликвидации кулачества как класса; применение насильственных методов коллективизации; внедрение принципов колхозного труда; проведение классовой политики налогообложения; массированное наступление на религию и церковь.

Среди внутренних факторов, определяемых религиозным мировоззрением, традициями, сформировавшимися в самой крестьянской среде, на всем протяжении коллективизации существенное влияние на настроения, поведение уральских крестьян оказывали: приверженность религиозным ценностям; следование нормам и обычаям крестьянского образа жизни; стремление сохранить патриархальный крестьянский уклад, семейные традиции; ведение единоличного хозяйства.

На разных этапах коллективизации по мере разрушения традиционных связей поведение, взаимоотношения крестьян все более обусловливались не когнитивными схемами, а эмоциональными реакциями на воздействие разнообразных внешних и внутренних факторов. С одной стороны, эмоции помогали быстрее осваивать полученную информацию, ориентироваться в новой действительности, выбирать и перестраивать собственное социальное окружение, а с другой — способствовали искажению и разрушению традиционных норм и обычаев крестьянского сообщества. Постепенно начинали происходить изменения во взглядах, ценностных ориентациях крестьян.

Происходившие изменения носили амбивалентный характер. С одной стороны, они были прогрессивными и конструктивными, поскольку способствовали преодолению консервативных экономических представлений крестьянина о смысле и задачах земледельческого труда, о роли и значении образования для воспитания подрастающего поколения, появлению понимания необходимости овладения новыми профессиями, приобщения к со-

временной культуре. С другой стороны, изменения были явно негативными и деструктивными. Непродуманная государственная аграрная политика вызывала процессы и явления, понижавшие уровень экономической и психологической устойчивости крестьянина. Лишение сельского труженика самостоятельности способствовало развитию в крестьянской среде равнодушия, безынициативности, привело к изменению трудовой психологии, к утрате крестьянином самоуважения, ответственности за результаты труда. Снижение доверия к органам власти вызвало падение гражданской активности. Разрушение мировосприятия и мироощущения, основанных прежде всего на религиозности крестьянства, способствовало деморализации и патопсихологизации общественных процессов и явлений в деревне.

В психологическом состоянии разных групп и категорий крестьянства Урала оказалось больше общего, чем различного. Основная часть крестьян на всем протяжении коллективизации воспринимала крушение и ломку устоявшегося деревенского мира преимущественно с позиций недовольства, сомнения и несогласия.

Активную и открытую поддержку проведению преобразований в сельском хозяйстве оказывали в основном лишь беднейшие и политизированные слои крестьянства Урала, увидевшие в политике советской власти возможности для повышения социального статуса, улучшения материального положения, реализации своих представлений о жизни в новой деревне. В процессе адаптации к новым порядкам этой частью крестьянства искажались или утрачивались черты и качества, в той или иной мере присущие всему крестьянскому сообществу в доколхозный период (политическая нейтральность, приверженность к духовно-нравственным ценностям, следование религиозным канонам и др.), постепенно складывались новые взгляды, убеждения, социальные привычки (соглашательство, приспособленчество, стремление добиться любой ценой материальных и политических дивидендов). При этом усиливались проявления иждивенчества, безответственности, маргинальности.

Противоречивое психологическое состояние середнячества, вызываемое, с одной стороны, ролью союзника советской власти в проводимой ею политике, а с другой — внутренним несогласием с этой политикой, способствуя деформациям традиционных взглядов и представлений, привело к постепенной утрате частью середняков таких качеств, как осознание своей значимости главного кормильца страны, способность противостоять жизненным испытаниям, самостоятельность, независимость, готовность трудиться опираясь на собственные силы.

Ликвидация кулаков, умевших результативно развивать хозяйство в условиях Урала, привела к исчезновению той части крестьянства, которое показывало образцы успешной деятельности в аграрной сфере.

В целом можно отметить, что аграрные преобразования 1929—1933 гг. на Урале привели к резкому ухудшению экономического и социально-психологического состояния уральских крестьян, качества их жизни. Избежать

таких последствий было практически невозможно, так как Урал был частью общегосударственной системы, которой командовали центральные органы власти. Статус ведущего индустриального региона страны ставил его под еще более жесткий контроль центра, чем другие регионы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. *Серебрякова, И. Г.* Об изменении социальной психологии крестьян в процессе осуществления сплошной коллективизации на Урале (1929—1932 гг.) / И. Г. Серебрякова // Из истории развития образования и культуры на Урале (середина XIX—XX вв.) : межвуз. сб. науч. тр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2002. — С. 77—83.

2. *Серебрякова, И. Г.* Отношение крестьян к власти в ходе сплошной коллективизации на Урале / И. Г. Серебрякова // Седьмые всероссийские историко-педагогические чтения. — Ч. 1 : Парадигмы исторического образования в контексте социального развития / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003. — С. 197—202.

3. *Серебрякова, И. Г.* Изменение отношения крестьян к труду в условиях сплошной коллективизации (на материалах Урала) / И. Г. Серебрякова // Проблемы социально-экономического и гуманитарного развития Урала : сб. тр. молодых ученых вузов г. Екатеринбурга / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003. — С. 113—132.

4. *Серебрякова, И. Г.* Влияние политики государства на психологию крестьянства в период коллективизации (на материалах Урала) / И. Г. Серебрякова // Пространство и время в восприятии человека : историко-психологический аспект: материалы XIV междунар. науч. конф. — Ч. 2. — СПб.: Нестор, 2003. — С. 164—169.

5. *Серебрякова, И. Г.* Отношение крестьян к религии в ходе сплошной коллективизации на Урале / И. Г. Серебрякова // Проблемы социально-экономического и гуманитарного развития Урала : сб. тр. молодых ученых вузов г. Екатеринбурга / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2004. — С. 245—254.

6. *Серебрякова, И. Г.* К вопросу об изменениях в трудовом сознании и психологии крестьянства в период сплошной коллективизации (на материалах Урала) / И. Г. Серебрякова // Россия: история и современность : тез. 6-й межвуз. конф. студентов и молодых ученых. — Сургут, 2004. — С. 64—68.

Подписано в печать 28.06.06. Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Бумага для множ. ап. Печать на ризографе.
Уч.-изд. л. 1,0. Тираж 100 экз. Заказ 1704.
ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»
Отдел множительной техники 620017 г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: uspu@dialup. utk. ru

Работа выполнена в государственном образовательном учреждении
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

Научный руководитель:	доктор исторических наук, профессор **Попов Михаил Валерьевич**
Официальные оппоненты:	доктор исторических наук, профессор **Мотревич Владимир Павлович**
	кандидат исторических наук, доцент **Быкова Светлана Ивановна**
Ведущая организация:	ГОУ ВПО «Оренбургский государственный педагогический университет»

Защита состоится «_____» _____ 2006 г. в 16.00 на заседании диссертационного совета Д 212.386.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук при Уральском государственном университете им. А. М. Горького (620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, ком. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Автореферат разослан «_____» _____ 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук,
профессор Кузьмин В. А.